

ЧЕРТА

Давид САМОЙЛОВ

Давид САМОЙЛОВ

ЧЕРТА

КНИГА СТИХОТВОРЕНИЙ

Москва, 1994

Составление и подготовка текста
Галины Медведевой

Издано при содействии Фонда
Анатолия Якобсона

Оформление Ю. Збарского

Издатели благодарят за помощь в подготовке
книги Наталию Мирскую и Виктора Тумаркина

Имя Давида Самойлова (1920—1990) вряд ли нуждается в представлении. Он работал в поэзии около полувека и снискал себе стойкую читательскую привязанность. То была не трубная слава дворцов и стадионов, лавров и аплодисментов, а, скорее, тихая благодарность за благородство человеческой позиции, за неизменное доверие к собеседнику-современнику, да, наконец, и просто за органическую талантливость речи, восходящей к классической традиции.

Печатавшийся в поры строгих цензурных ограничений гораздо меньше, чем он того заслуживал, Давид Самойлов оставил большой литературный архив, из которого и отобраны стихи для этой книги. Быть может, они прибавят к сложившемуся облику мастера какие-то новые черты, говорящие о развитии поэтической личности.

ISBN 5—7327—0015—3

© Д. Самойлов (наследники)

* * *

И снова будут дробить суставы
И зажимать кулаками рты
Поэты ненависти и славы
Поэтам чести и доброты.

И снова в злобе полночных бдений
Злодейство будет совершено,
И снова будет смеяться гений
И беззаботно тянуть вино.

Он выйдет в полночь. И легким
жестом
Пригласит встрепанные виски,
Дивясь красотам и совершенствам
Судьбы, созвездий, любви, листвы.

Нач. 60-х

* * *

Не хочется идти в журнал,
Жаль расставаться со стихами,
Чтоб их редактор обминал
И цензор мучил пустяками.

Но разве их упрячешь в стол,
Как первых детских кудрей прядку,
Когда своей иглой глагол
Прошил заветную тетрадку.

1964

СТАРАЯ ВИЛЬНА

Когда еще над старой Вильной
Не слышен гром автомобильный,
Как будто прячась от людей,
Старуха кормит голубей.
Дурак в окне, не слыша фальши,
Чуть свет разыгрывает марши,
Угрюмо выпятив губу,
Играет в медную трубу.
На красной мостовой кирпичной
Сияет отблеск необычный
И, черная от всех скорбей,
Старуха кормит голубей...
Воркует голубь толстый, сытый
Над мостовой, дождем промытой.
Играет дурень: до-ре-ми.
Дудит над спящими людьми.
Так было и при Гедимине:
Дымился огонек в камине,
И толстый голубь ворковал,
И парень девку целовал.
И дул в трубу дурак упорный,
И та старуха в шали черной
Кормила сытых голубей
Или качала колыбель...
И вправду, много ль мы постигли
С тех пор, когда варился в тигле
Волшебный корень колдуна?
Брела зеленая луна
Над старым университетом,
Брела старуха по двору.
А парень дул: туру-туру!

1963

* * *

Вновь стою пред лицом событий,
Перед морем, сушей и твердью,
Целый день, как гений в зените,
Полон пламени и бессмертья.

Потому что чувства бессмертны,
И когда истлевают цели,
Стая чувств, шумна и несметна,
Как в скале, гнездуются в теле.

январь 1965

* * *

Таллин — тайное обиталище,
Год сегодняшний, год вчерашний.
Снег летящий, медленно тающий
Над деревьями и над башней.

Таллин — временное прибежище,
Молчаливый и стерегущий.
День, за окнами тихо брезжащий —
День прошедший и день грядущий.

Таллин — тайное обиталище,
Год минувший и год прошедший.
Поезд, медленно подъезжающий,
Поезд, медленно отошедший.

Таллин — временное прибежище,
Сонный снег, смежающий веки...
Вопрошающий — где же? Где ж еще?
Неужели — совсем? Навеки?

5.1.65

* * *

Похожи — стремленьем к разлукам,
Бессильем и силой похожи.
Сердечным разбуженный стуком,
О Боже, твержу я, о Боже!

Как странно и как совершенно
С тобою мы созданы оба.
Прошедшее наше — блаженно,
Блаженно, а может — убого?

В том парке, что черным на белом
Углем на снегу нарисован,
А может, на грифеле — мелом,
На белой бумаге — свинцовым.

В том парке, который впечатан
В меня узловатым офортом,
В том городе узком, стрельчатом
И оловом серым натертом,

В том городе — только прощанье
И запах горючего сланца.
Счастливы мы или печальны?
Как знать? И откуда дознаться?

январь 1965

* * *

В огромном разобщении людей
Одна любовь кричит о единенье,
И потому благодаренье ей!
Благодаренье ей! Благодаренье!

Мы — бедные земные существа,
Нас разделяют классы, расы, мненья,
За то, что возвращает нам права,
Благодаренье ей, благодаренье!

Пусть робкая — пускай на миг, на час,
До первых слов, до первого сомненья,
За то, что не разъединяет нас —
Благодаренье ей, благодаренье.

Так волю убегающих планет
Всемирное смиряет тяготенье.
За то, что дарит нам блаженный
свет —
Благодаренье ей, благодаренье!

1965

* * *

Будь счастлив, сын, мечтой о лете,
В дни снегопада, в феврале,
Покуда снег, как лебедь к Леде,
Слетает медленно к земле.

Будь счастлив, сын, мечтой о юге,
В час серой скуки зимним днем,
Когда туман бинтует руки
Садов белесым полотном.

Будь счастлив, сын, мечтой о море
В глуши февральского житья,
Где сгинут снег, туман и горе
И будет море, ты и я.

1966

* * *

Пью водку под хрустящую капустку.
В окне луна. Снаружи слышен хруст
Задумчивых шагов по первопутку.
Все это вместе навевает грусть.

Пью. Наливаю. По второй, по третьей.
Шаги затихли. Вечер снова тих.
И опыт четырех десятилетий
Понуро и печально входит в стих.

Я понимаю, если бы не юмор,
Зарезаться бы надо огурцом.
Но если вышло так, что ты не умер —
Сиди и пей с потерянном лицом.

Пью. Наливаю. Пятую. Шестую.
Закусываю, глядя на луну.
И все живу. И все же существую.
А хорошо бы снова на войну.

1966

ТАЙНЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Вот мое милое дело,
Мой дом, мой замок...
Месяц белее мела
В оконных рамах.

Значит, довольно поздно.
Задвину шторку.
День отдается прозе.
А ночь — восторгу.

Я летописец тайный,
Судья, присяжный,
Следователь чрезвычайный
Истец отважный.

Месяц белее мела
В оконных рамах.
Вот мое милое дело —
Писать о драмах.

Я недобитый Нестор,
Трусливый Пимен,
Пусть мы сейчас безвестны,
Но мы не сгинем.

Нас миновала плаха
Истины ради.
Будем дрожать от страха,
Но лжи ни пяди.

Будем все дни томиться
И прятать очи,

Хватит для летописца
И темной ночи.

И никакой не надо
За то награды.
Но трепещите, каты,
Дрожите, гады!

5.01.68

* * *

Скрежещет ветка о стекло,
Когда на сердце тяжело,
Иначе я ее не слышу.
Все чаще слышу этот скрип
И ветра стон, деревьев всхлип,
И дождь, топочущий о крышу.

Как хорошо, когда одну
В себе звучащую струну
Ты неизменно ощущаешь.
И где-то дальнюю войну,
Суда, идущие ко дну,
И гром, и смерть, и тишину
В себе самом ты замечаешь.

Но ежели ты болен сам,
То всем вселенским голосам
Твой слух открыт. И где защита?
И бури стонут по лесам,
Гуляет гром по небесам.
И этим страшным голосам
Твое безумие открыто.

VII.68

БЕРЕГ МЕРТВЫХ

Поплывем с тобой
На белом, белом, белом
Теплоходе,
По реке большой, большой,
Станем мы единым телом
И одной душой.

Потому что та река большая
Нам чужая,
Всем чужая —
Та река богов,
Медленно течет,
Не утешая,
Вдоль пустынных берегов.

И на тех, на берегах пустынных
Нет растений,
Птицы не живут,
Там лишь бродят, бродят, бродят
Чьи-то тени
И кого-то издали зовут.

Там я видел и отца и друга,
И отца и друга,
Сына и жену,
Там я видел отдаленность луга,
Даль и тишину.

Я хочу спуститься с теплохода,
В тусклом свете полдня
К ним направить чели

И бродить меж ними
Год от года —
Ничего не помня
И не зная ни о чем.

31.05.68

Еще одно грехопадение сил.
Грехопадение сил — уже бессилье.
В кристаллы выпал дух.
Железо легковесно, словно пух.
Вздохни поглубже. Сдунь его.
Засим
Кончается его засилье.

(Из стихов 1962 года)

Не бойтесь! Умираем только мы!
Пора уж узел затянуть на глотке,
Принять снотворного, опиться водки.
Нет сил для виселицы и тюрьмы.

Наш тонкий слух, наш изошренный
глаз,
И гибкое, испытанное слово
Ничто пред слухом вашего глухого
И перед словом каждого из вас.

Но если вы обманете — беда!
Какое будет всем самопрощенье...
Вся сволота потребует отмщенья...
И жизнь и смерть бессмысленны тогда!

1968

Хотел бы я жить, как
  хочу и умею,
Но жить не хочу я
  и жить не умею.
Когда-то имел я простую идею.
А нету идеи — и я холодею.

Да, я холодею и надо неметь.
Но, Боже, ведь быть не могу
  бессловесен.
Ведь ты мне вручил колокольную
  медь,
И пенье, и странную надобность
  песен.

Хотел бы я жить,
  но, увы, не могу!
Хотел бы я верить,
  но, Боже, не верю.
Хотел бы не лгать,—
  ежедневно я лгу.
Хотел бы терять,
  но жалею потерю.

О Боже, о Боже, кто может
  помочь!
Какой собутыльник приникнет к
  стакану?
О, как ты желанна мне, вечная ночь,
В которую кану! В которую кану!

* * *

Теперь уже знаю:
Стихи потекут.
Их целую стаю
Моей нарекут.

Сего не преложишь,
Как сказано встарь.
Пиши, пока можешь,
Несчастливая тварь!

14.08.70

* * *

Настала такая эпоха,
Что все мы желаем итога,
Черта и под ней: итогó.
А что итого? Кроме Бога
Под этой чертой — ничего.

Под эту жирную чертою
Все замыслы, все прожитое:
И если все это сложить,
А после из этого вычесть...
Получится... (Остановитесь!..)
Что просто не стоило жить!

1970

* * *

Родину люблю не за взаимность!
Ей за все вовеки исполать!
Надо так глядеть, чтоб не двоилось,
И себе пожестче постилать.

Тем, кто боком не спешил в клеветы,
И, разинув рот, не ждал раздач,
Никогда не тягостны запреты,
Не убийствен воздух неудач.

1972

* * *

Выстраивается столетье
Почти что на глазах.
С его последней третью
Бывал я не в ладах.

С его последней сутью
Почти что я в ладу.
В него с размаху грудью
Однажды упаду.

1969

* * *

Жизни первая треть.
Надо любить и смотреть
В мир очарованным оком.

Жизни вторая треть.
Замысел должен созреть
Где-то в укрытье глубоком.

Жизни последняя треть.
Осуществить.
Умереть.

21.03.74

* * *

Служенье памяти!
Из добровольных уз
Ты всех прочней и бескорыстней
И, может, выше, чем служенье
муз,
И славы горше и завистней.

Служенье тем, кто был
насильно уведен
По оглушенным лестничным
площадкам,
И залп подъезда, сотрясавший дом,
Грядущего был слабым
отпечатком,

Я десять лет был нем.
И двадцать глух.
Но слышал выстрелы
подъездной двери.
Скрежещущий стартер,
как ключ тюремный, сух —
Не плач, а он обозначал
потери.
Служенье тем, кто был
отправлен в никуда
И запропал без вести,—
Оно превыше прочих уз, когда
В нем память есть,
но нету мести.
Я думаю порой среди тишины,
Теперь уже не безглагольной,
Что — память! — мы тобой
отомщены,
Твоею мукой добровольной.

18.07.75

* * *

О поэтическом пространстве
Писал мне злобный стихолоб,
Сжигал мои стихи и стансы,
Так, что лишь дым вился из труб.

Он поселил во мне тревогу,
Какой-то горький впрыснул яд.
Но я подумал: слава Богу,
Меня не хвалят, а хулят.

С тех пор я стал летучим дымом
И улетел, как этот дым,
Туда, где в небе нелюдимом
Я стану новым и иным.

1976

* * *

Россия одинока в мире,
Она одна стоит как перст,
Не докричишь из этой шири
Ни до кого, кто есть окрест.

Нет никого окрест России,
Нет никого в ее пути.
И ни уму, ни лжи, ни силе
Ее веки не спасти.

1976

* * *

Как я живу? Без ожиданий.
В себе, накапливая речь.
А между тем на крыши зданий
Ребристый снег успел прилечь.

И мы, как пчелы трудовые,
Питаем сонную детву,
Осуществленный день России
Не мысля видеть наяву.

XI.77

* * *

Когда я усну наконец,
Как долго (всю жизнь) не
спалось,
Тогда мой усопший отец
Коснется усталых волос.
Тогда, наконец, я пойму,
Что я пробирался сквозь
тьму.
И холодно быть одному.
И холодно быть одному.

1974

* * *

Здесь, в комнате, нам слышны
из окон —
И гул, и шелестенье,
И раковин морских волшебный
геликон —
Вплоть до того мгновенья,
Когда смолкают ветер и прибой
И все моря и океаны,
И остаемся только мы с тобой,
В последнем трепете слиянны.

6.05.74

* * *

С утра худые сосняки
Припахивают канифолью.
Садов сырые гамаки
Качаются непроизвольно.

Седая, пасмурная даль.
Горланит ворон по-актерски.
Открыт осенний календарь
В Опалихе и Красногорске.

Туманный дождичек томит.
И все окрестные пейзажи
Запущенный имеют вид,
Как дом, назначенный к продаже.

1974

* * *

Заманчиво задним числом
Отыскивать наши ошибки,
Всю жизнь назначая на слом.
Но эти намеренья зыбки.

Отречься, мой друг, не спеши.
И что остается в итоге?
Единственность нашей души,
Единственность нашей дороги.

1980

ОСЕНЬ

Неужто я иду на спад,
Как листопад?
И мысли спят, и чувства спят,
Как этот сад?

И может быть, для строф и строк
Уж вышел срок?
Во мне иссяк российский слог,
Его исток?

И может, пасмурный закат
Подвел черту.
И лишь небесный вертоград
Горит в цвету.

1980

* * *

И непонятное письмо
Она читала на заре,
И было новое число
Отмечено в календаре.

Моя любовь, моя мечта!
Я не желаю ничего!
Тщета любви, мечты тщета,
Тщета надежд, тщета всего.

18.12.80

* * *

Когда сумбур полународа
Преобразуется в народ,
Придет поэт иного рода,
Светло и чисто запоет.

И поросль свежая, иная
Взойдет как новая звезда,
О наших горестях не зная
И нашим радостям чужда.

И вы, хранители традиций,
Вдруг потеряете себя,
Когда потомок яснолицый
Ударит в лиру, мир любя.

1981

* * *

Мы это видели
вполглаза,
Вполуха слышали о том.
Но та холерная зараза
Всех отравила нас потом.
И если мы вершили
дело,
Чтобы избавить мир
от зла,
Не эта смерть в глаза
глядела,
Не та могила нас
взяла...

1981

* * *

Я недругов своих прощаю
И даже иногда жалею.
А спорить с ними не желаю,
Поскольку в споре одолею.

Но мне не надо одолеть их,
Мои победы не крылаты.
Ведь будем в дальних тех столетях
Они и я не виноваты.

Они и мы не виноваты,
Так говорят большие дни.
И потому условны даты
И правы мы или они...

1981

* * *

Надо выйти из моды,
Улететь из столиц
И на лоне природы
Написать пять страниц.

Пять коротких и точных,
Тех, в которых итог,
Для которых — подстрочник
Небо, звезды и стог.

Возлегая на стоге,
Над плакучей травой,
Звезд увидеть дороги
Над своей головой.

Из высокой вселенной,
Где небесная тишь,
Ты, мой друг убиенный,
На меня поглядишь.

1982

* * *

Я думаю о разном,
Что слышал и узрел.
Когда предмет не назван,
Он, значит, не созрел.

Чтоб мира созреваниe
Скорей произошло,
Ищи всему названье,
Чтоб плотно прилегло.

13.05.83

* * *

Мне все время видятся холмы,
Как изображенные в картинах
Старых живописцев, что полны
Странности в неверных перспективах.

27

В синем небе острый лет орла.
Яблоки красны на круглом древе.
Змий, обвившийся вокруг ствола,
Держит плод соблазна в гнусном зеве.

Не спеша, без страха не успеть,
Тропкой по ухоженному саду
Я иду сквозь яблонь анфиладу,
Деревянный плащ спадает с плеч.

1982

* * *

Никто мне ни в чем не обязан.
И я никого не люблю.
Я только по горло повязан
И навзничь положен в ладью.

Плывет без ветрил и без весел
Печальная эта ладья.
Плывет в одинокую осень,
В листву золотого литья.

И ветер ее не качает,
А только течение влечет.
Влечет и несет и не знает,
Куда и откуда течет.

4.07.82

. * * *

Тебя люблю. С тобою буду
Всем существом своим, покуда
Я не умру. Но не умру,
Покуда я с тобою буду
Всем существом.
Подобно чуду
Существованье двух сердец
И их немислимый конец.

1983

* * *

Я наконец свободен.
Мне горько и светло.
Мне не нужна свобода,
Но рабство тяжело.

Мне наконец не надо
Дрожать за жизнь свою,
Ведь я несовершенен,
Подобно бытию.

Мне наконец не нужно
Ни славы, ни любви.
Ни людно, ни оружно
Я не пойду в бои.

Я наконец-то беден —
Ни друга, ни жены,

Но оттого победен,
Что вы мне не нужны.

Теперь корпеть, стараться
Не нужно. Для чего
Мне это стихотворство
И это мастерство!

Мне ничего не надо.
Я просто сочиню
Поэтику разлада,
Не зная почему.

В ночь на 8 февраля 1986

* * *

Снег упал на темный берег,
Словно стая голубиц.
И не стало больше серых
Крыш и красных черепиц.

Снег на всех заборах длинных
Обозначил их объем.
Елки в белых кринолинах,
В пудре — словно на прием.

Из печей на воздух вольный
Через трубы рвется дым.
Гостя из первопрестольной
Жду с автобусом дневным.

1987

* * *

Обходя березовые сучья,
Я миную елок череду.
Почему-то мне не выпал случай
Побывать весной у нас в саду.

Поглядеть на елочки укропа,
Тронуть созревающий редис,
Постоять тихонько, как у гроба,
Там, где туи строгий обелиск.

Неохота. Погляжу в окошко.
Только кошка бродит из живых.
Здесь дымится в котелке картошка.
Стол уже накрыт на четверых.

Вот мой дом и вот мои начала,
Из еще не сданных крепостей...
И винца, пожалуй, не мешало.
И совсем не хочется гостей.

3.05.86

* * *

Уставший от утрат,
Живу теперь натужно.
И новому не рад,
И старого не нужно.

Я чувствую провал
В осуществлень счастья.
Когда-то целовал.
Когда-то обольщался.

Доверчив, как щенок
Без жизненной науки,
Вилял хвостом у ног,
Лизал в восторге руки.

А на своем горбу,
Не зная, не внимая,
Я нес свою судьбу,
Ее не понимая.

/

1987

* * *

Навсегда с тобой расстанусь,
Навсегда.
Нарастающая старость —
Не беда.
Не твоя беда, не наша,
А моя.
Предо мной пустая чаша
Бытия.

29.08.87

* * *

Как стихи зацепятся
За бумагу,
Сразу и оценятся
По замаху,

Подходящи ежели
    По замаху,
Тут, как хочешь, — режь или
    Кинь на плаху,
Навались громадами
    Государства,
А покончить с гадами
    Не удастся!

18.03.89

* * *

Писем напишу пяток,
Лягу и умру.
Знай сверчок свой шесток —
Хватит жить в миру.
Но умру не насовсем
И не навсегда.
Надо мною будет сень,
А над ней звезда.
Над звездой будет Бог,
А над Богом свет.
А над светом голубок
Посреди планет.
А над голубем цветок,
А в цветке пчела,
Что опустит хоботок

. . . . .

декабрь 1989

<Последнее стихотворение>

СОДЕРЖАНИЕ

«И снова будут дробить суставы...»	3
«Не хочется идти в журнал...»	3
Старая Вильна	4
«Вновь стою пред лицом событий...»	5
«Таллин — тайное обиталище...»	5
«Похожи — стремленьем к разлукам...»	6
«В огромном разобщении людей...»	7
«Будь счастлив, сын, мечтой о лете...»	7
«Пью водку под хрустящую капустку...»	8
Тайный летописец	9
«Скрежещет ветка о стекло...»	10
Берег мертвых	11
«Не бойтесь! Умираем только мы!...»	12
«В отдаленных лугах зазвеневшая осень...»	13
Вероятно	14
«Хотел бы я жить...»	15
«Теперь уже знаю...»	16
«Настала такая эпоха...»	16
«Родину люблю не за взаимность...»	17
«Выстраивается столетье...»	17
«Жизни первая треть...»	18
«Служенье памяти!...»	18
«О поэтическом пространстве...»	19
«Россия одинока в мире...»	20
«Как я живу? Без ожиданий...»	20
«Вступает день, вступает город...»	21
«В своем вертепе грязном Жан-Поклен...»	21
«Когда я усну наконец...»	22
«Здесь, в комнате, нам слышны из окон...»	22
«С утра худые сосняки...»	23
«Заманчиво задним числом...»	23
Осень («Неужто я иду на спад...»)	24
«И непонятное письмо...»	24
«Когда сумбур полународа...»	25
«Мы это видели вполглаза...»	25
«Я недругов своих прощаю...»	26

«Надо выйти из моды...»	26
«Я думаю о разном...»	27
«Мне все время видятся холмы...»	27
«Никто мне ни в чем не обязан...»	28
«Тебя люблю. С тобою буду...»	29
«Я наконец свободен...»	29
«Снег упал на темный берег...»	30
«Обходя березовые сучья...»	31
«Уставший от утрат...»	31
«Навсегда с тобой расстанусь...»	32
«Как стихи зацепятся...»	32
«Писем напишу пяток...»	33

Давид Самойлов

ЧЕРТА

Книга стихотворений

Технический редактор **Насиров Ф. Г.**
Корректор **Квитко С. И.**

Сдано в набор 24.06.94. Подп. к печ. 04.07.94.
Формат 60×90/32. Бумага кн.-журнальная.
Печ. л. 2,25. Тираж 1000 экз. Заказ 240.

Типография Госспорта.
Москва, Мичуринский проспект, 40